Девочка, которая сходила за суси

Пэт Кэдиган

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В последние дни перед падением кометы Океке-Хайтауэр на Юпитер у всех суси жуткая запарка. А тут, как на грех, в гости королева красоты двуногих без перьев — решила, что красоткой ей больше не бывать. Хотя стоп... девочка, а ты сама хозяйка своей красоте или это красота управляет тобой на пожизненном контракте с корпорацией?

- Пэт Кэдиган
  - ◯
- notes
  - ◯ 1

Пэт Кэдиган
Девочка, которая сходила за суси

Через девять дек от начала второго нырка Фрай наскочила в главном кольце на айсберг и сломала ногу. И не просто сломала — перелом получился сложный, осколок распорол кожу. Блин, вот незадача-то! К счастью, мы уже закончили возиться с большей частью глаз — я эту работу считала куда сложнее обычной. Но шли последние деки перед ударом Океке-Хайтауэр, и всех трясла кометная лихорадка.

Почти триста грязелет на Большом Юпе не отмечалось ни одного ощутимого удара, после Шумейкеров-и-как-его-там, когда поблизости никого не было, чтобы в нормальном качестве это дело записать. Все новостники, исследовательские институты и денежные мешки Солнечной Системы заказывали Юпитерианским Операциям съемку с колец. Подключили всех сотрудников ЮОпа, камеры штабелями на камеры, запасные камеры на запасные камеры — видимый свет, ИК, рентген и хрен знает что еще. Фрай и сама была в восторге, только и трепалась, как рада, что все это вживую увидит. Девчонке бы стоило смотреть во все глаза, куда суется.

Я-то в геле, да и скаф Фрай должен выдержать, но двуногие существа, лишенные перьев, склонны к приступам головокружения, если травму получают. Я надула пузырь таких размеров, чтоб он нас обеих вместил, окружила коконом ее ногу, накачала лекарствами и вызвала скорую. Желюки и остальные висели на другой стороне Большого Юпа. Я им сказала, что мы засыпались, и что придется кому-то последние несколько глаз на радиане вместо нас повесить. Фрай, казалось, ничего особо не интересовало, кроме О. Она восстанавливала сознательную ориентацию быстрее, чем любое другое двуногое существо на моей памяти, но лекарства все же мешали. Я пыталась ее отвлечь, травила байки, но в конце концов пересказала их все и вынужденно заткнулась.

Потом она вдруг сказала:

— Ну ладно, Арки, я сама виновата.

Голос у нее был такой обреченный, что я уж подумала, она выходит из игры. Я скисла: мне так нравилось это нечто, оно ж было девочкой. Я сказала:

— Солнышко, мы по тебе скучать будем.

Она засмеялась.

— Нет-нет-нет, я не улетаю. Я за суси схожу.

Я потрепала ее по плечу, решив, что у нее сбой нервной системы, вот и несет всякую чушь. Фрай же не обычная девчонка, она и тут себя показала на все сто, и там из толпы выделялась. Среди грязевиков она зарекомендовала себя умницей, ученым высшей категории *и* королевой красоты. Да-да, двуногое нечто без перьев, гений и королева красоты. Поверьте на слово или валите, как сказала бы Шерлак.

Фрай провела с нами три с половиной деки к тому моменту, как решила, что королевой красоты ей больше не бывать. У нас как раз началась запарка под конец смены — у нас у всех, у нее, у меня, у Дюбонне, Шерлак, тети Хови, Сплэта, Бэйта, Глайнис и Фреда, — и мы чуть не прозевали О.

— Вау, — сказал Дюбонне, — может, принцессе еще горошин в постель подсыпать?

Я не поняла вопроса, но мне показалось, что это издевка. Я шлепнула его тремя конечностями, чтоб чужую культуру уважать учился. Но Фрай ответила:

— Нет, никаких претензий к вам на Большом Юпе. Я понимаю, это глупо. Но почему люди вообще этим озабочены… не знаю. Я правда не знаю. Мы такие все из себя просветленные и продвинутые, а женщине до сих пор втыкают, если в купальном костюме не так выглядит. То есть — двуногой женщине, — добавила она с легким смешком, — извините. И да, я обойдусь без горошин.

— Если ты так себя чувствуешь, — сказала тетя Хови, глядя на нее большими серьезными глазами из причудливого сплетения восьми конечностей, — почему подыгрываешь им?

— Иного способа сюда добраться у меня не было, — сказала Фрай.

— Правда? — недоверчиво бросил Сплэт, на мгновение опередив меня с этим вопросом.

— Да, правда. Я круглая отличница по жизни, стипендия, право выбора университета и все такое. — Фрай улыбнулась, и мне подумалось, что такой улыбкой она, верно, улыбалась в тот момент, когда ей вручали диадему королевы красоты двуногих существ, лишенных перьев, или что-то в этом роде. Нельзя сказать, что улыбка неискренняя, но у двуногих лицевые мускулы — просто группа мышц; я видела, что движение отчасти заученное. — Я экономила изо всех сил, пока не накопила на спецкурс. Диплом по геологии с отличием.

— Но это ж грязевая геология, — заметила Шерлак. Вообще-то ее звали Шерлок, однако Шерлак бы первая согласилась, что ее дедуктивные таланты заметно уступают везению[1].

— Я поэтому и откладывала на спецкурс, — ответила Фрай.

— Я старалась добиваться наилучших результатов с доступными мне инструментами. Вы все понимаете, каково это. Вы тут все на Большом Юпе в курсе.

И то верно.

* * *

Фрай работала с некоторыми вахтовиками ЮОпа до нас, но там всегда были как двуногие, так и суси. Думаю, ее все любили — и она их, но в нашем случае попадание в яблочко особенно ощущалось, а это странно для двуногой в команде из сплошных осьмушек. Она мне с первого взгляда понравилась, а это уже кое-что значит, ведь мне обычно нелегко добиться эмоционального резонанса даже с другими суси. Я к бесперым двуногим привыкла, я ничего против них не имею. У многих суси, даже если они не хотят этого признавать, недетские траблы с толерантностью, но я всегда с ними нормально уживалась. Но двуногие не лучший вариант, да. Их тяжелее натаскивать, и не потому, что они глупы, а потому, что просто не приспособлены для этой среды. Не такие, как суси, и все тут. Но они продолжают прибывать, и большинству удается продержаться по крайней мере одну квадрадеку. Тут настолько же красиво, насколько и опасно. Я их почти ежедневно снаружи вижу — неуклюжие морские звезды в скафах.

И это не считая персонала клиник или больниц. Доктора, медсестры, интерны, техники, физиотерапевты, парамедики — все они стандартные, бесперые двуногие. Таков закон. Легальную врачебную практику не разрешается открывать существу в облике, отличном от основного человеческого, даже если у тебя уже есть докторская степень. Надо полагать, это потому, что аппаратура в основном на двуногих рассчитана. Хирургические инструменты, операционные, стерилизационные, даже хирургические перчатки: пальцы там слишком короткие, их тупо не хватает. Ха-ха, такой уж у суси юмор. Может, не такой прикольный, но свежие анекдоты заставляют двуногих ржать до уссачки.

Не знаю, сколько двуногих за год (грязевой или юпитерианский) решаются уйти за суси, и тем более не представляю себе статистического распределения причин, их к этому побудивших, но, в любом случае, мы тут не все в одной лодке, статистики не на моей орбите, поэтому мне известно лишь, что каждые восемь дек примерно дюжина двуногих подает заявки. Странные при этом творятся дела.

В старые дни, когда я проходила переделку, этим никто не

занимался просто так. В большинстве случаев сходить за суси вынуждали либо смертельная болезнь, либо непереносимое по меркам двуногих — в условиях третьей планеты от Солнца на уровне моря — уродство. Иногда, однако, в ход при класификации уродства шли социальные или, точнее говоря, юридические факторы. Исходное Поколение почти все набрано из инвалидов или смертников, живущих взаймы.

Теперь, если хотите знать, мы всем говорим, что ИП продержалось шесть лет; нам положено пользоваться грязевым календарем, даже в разговорах друг с другом (все здесь спокойно переводят единицы времени из одной шкалы в другую, даже в уме), то бишь на самом деле это семьдесят грязевых. Двуногие утверждают, что поколений было три, а не одно. Пускай себе так думают, пускай пререкаются. Они обо всем горазды *спорить*, они просто рождены для срачей. У двуногих и логика строго двоичная, ничего другого они представить не могут: 0 или 1, да или нет, истина или ложь.

Но при переделке первым утрачивается двоичное мышление, и происходит это быстро. Я никогда не слышала, чтобы кто-то сожалел об этой утрате; я-то уж точно не жалею.

* * *

Как бы там ни было, а мне кажется правильным навестить Фрай в одном из госпиталей на Паутинных кольцах. Все крыло режимное, вход по спискам. Странное дело: отирается тут двуногая на полу и ничем больше не занята, кроме проверки по списку. Я уж думаю, может, я станцией ошиблась, но двуногая находит меня в списке и подтверждает, что я могу войти и повидаться с Ла Соледад-и-Готтмундсдоттир. Я не сразу соображаю, кого имеет в виду двуногая — и как так отсюда получилась наша девочка Фрай? Я пробираюсь через нечто вроде воздушного шлюза — там еще один двуногий, ждет меня. Он пользуется двумя палками с липучками на концах, у него неплохо получается, но я-то вижу, что он в этом деле новичок. То и дело одна нога касается пола, ему так психологически легче, словно это ходьба.

Проведя в суси так много времени, видишь двуногих насквозь. Я не хочу, чтоб это прозвучало пренебрежительно, я и сама когда-то двуногой была. Мы все начинали беспёрыми двуногими, никто не рождается суси. Но многим из нас *хотелось бы* родиться суси, а в обществе, которым управляют двуногие, такое заявление воспримут напряжно. Что не умаляет его

истинности.

Мы с проводником преодолеваем целый радиан до следующего шлюза.

— Туда, пожалуйста, — говорит он. — Я дождусь вашего возвращения.

Я благодарю его и ныряю дальше, рассеянно задумавшись, правильно ли поступила, ведь он тут, судя по всему, избыточен для функциональности, как это называет тетя Хови. Несколько отводов трубы загерметизированы, спрятаться негде, ускользнуть некуда. Я знаю, как богата Фрай, знаю, что ей приходится нанимать людей, чтоб они тратили ее деньги, но есть же разница между тратами и расточительством.

Вот и наша девочка, лежит на больничной койке, огромной, почти как кольцевой айсберг, на который налетела Фрай. Она арендует целое крыло — все стены убраны, чтобы создалось впечатление одной частной палаты. В дальнем конце какие-то сиделки, потягивают кофе из груш. Заслышав меня, отлепляются и шарят вокруг, но я им сигналю всей осьмушкой — порядок, не переживайте, я просто посетительница. Они успокаиваются.

Фрай в гнезде из подушек выглядит неплохо, но как-то сыровато. У нее на голове наросло почти три сантиметра — наверное, чешется, она туда все время лезет. Несмотря на заключенную в инкубатор ногу, она настаивает, чтобы я обняла ее крепко-крепко, четыре на четыре, потом указывает рядом с собой.

— Чувствуй себя как дома, Арки.

— Разве посетителям положено на койке сидеть? — спрашиваю я, зацепившись парой рук за ближайшую хваталку. Оттуда выкатывается раскладной стул для двуногих. Тут все предусмотрели, чо.

— Не положено. Правило такое, но пока я тут рулю, можешь на него забить. Смотри, эта койка ж реально больше нашей каюты. Мы тут целой командой могли бы пикник устроить. Я была бы не против. — Она демонстративно облизывается. — Как там все, сильно заняты?

Я устраиваюсь поудобнее.

— Всегда находится лаба, которую надо строить, железка, которую надо обслуживать, или данные, которые надо собрать, — осторожно говорю я, — если ты об этом.

Ее лицо подергивается, и я понимаю, что не об этом.

— Ты одна пришла меня повидать, — говорит она.

— Может, остальных в списке нет.

— В каком списке? — спрашивает она. Я объясняю. У нее челюсть отваливается, и тут же по обе стороны койки возникают сиделки, перепуганные до смерти, выясняют, все ли в порядке.

— В порядке я, в порядке, — гонит она их. — Уходите, оставьте меня наедине с подругой, блин!

Они неохотно подчиняются, глядя на меня так, словно не уверены, насколько безопасно оставлять пациентку рядом со мной, свернувшейся на огромной койке.

— Ты на *них* не строжись, — говорю я после паузы. — С тобой если что, на них все взвалят. Они просто заботятся, как им кажется лучше.

Я расплетаю две руки, одной делаю жест, охватывающий окрестности, другой тычу в инкубатор, где квадриллионы наноректиков залечивают ее ногу, начиная с костного мозга, а это, говорю по собственному опыту, *саднит. Чертовски* саднит. Неудивительно, что у нее настроение хуже некуда — что делать, если у тебя *чешется до мозга костей?* — вот я и успокаиваю ее, объясняя, что срываться на других не выход.

— Мне стоило бы знать, — ожесточенно скребет она в голове, — на кого я работаю.

Это не имеет никакого смысла. Юоповцы не такие идиоты.

— Солнышко, ты что-то путаешь, — говорю я. — Если бы мы, суси, хоть заподозрили, что это придурь ЮОпа, у нас бы тут день взятия Бастилии начался, полетели бы головы...

— Нет, я про тех, кто в грязи. Мой образ лицензирован в рекламных и развлекательных целях, — поясняет она. — Я думала, тут буду пользоваться меньшей популярностью — в глуши, вдали от досужего ока, ну, ты в курсе, да? Но, надо полагать, королева красоты в космосе не может на подобное рассчитывать.

— Значит, ты по-прежнему богата, — говорю я. — Разве это плохо?

У нее делается уязвленный вид.

— Ты бы согласилась на пожизненный контракт ради богатства? *Только* ради богатства?

— Пожизненные контракты богатства не приносят, — вежливо замечаю я. — К тому же ни один профсоюз не позволит подобной мути.

Она размышляет несколько секунд.

— Ну ладно, а как тебе это: тебе когда-нибудь случалось считать, что ты чем-то владеешь, а потом оказывалось, что оно владеет тобой?

—*А-а...* — Вот теперь я понимаю. — Они вправе заставить тебя измениться обратно?

— Они пытаются, — говорит Фрай. — Вчера вечером постановление суда прислали, требуют, чтоб я плюхнулась обратно в грязь, как только передвигаться смогу. Доктора к нему

придрались, поэтому *они* и решат, когда смогу, но оттягивать до бесконечности не получится. Тут адвокаты хорошие есть? Прямо тут?

— Ну да, конечно. Но они все суси.

Фрай оживляется.

— Отлично.

* * *

Не каждый двухкамерный наутилус — адвокат, это обличье популярно также у библиотекарей, исследователей и всех тех, кому приходится работать с большими объемами данных, но каждый адвокат на спутниках Юпитера — двухкамерный наутилус. Тут нет юридического требования, как в случае с двуногими в медицине, эта традиция просто укоренилась. Дав, партнер фирмы, с которой имеет дело наш профсоюз, говорит, это у суси такой аналог напудренных париков и черных мантий, какие нам иногда выпадает случай увидеть, если двуногие грязевики привозят с собой своих адвокатов.

Дав говорит, как бы ни пытались двуногие крючкотворы выставить себя профи, они все зубы ломают о своих коллег-суси. В последний раз, когда профсоюзу понадобилось что-то обсудить с ЮОпом, головной офис прислал полную жестянку корпоративных адвокатов прямо из грязи. Ну, на самом деле с Марса, но они не марсианские жители и потом сразу на третью вернулись. Дав при этом не присутствовала, но сообщала нам, что могла, не нарушая договора о неразглашении.

Дав занимается гражданскими правами суси, защищает наши интересы как жителей спутников Юпитера. В это понятие включены не только суси и суси-переходники, но и дооперационники. Любой двуногий, задекларировавший желание пройти хирургическую переделку и подавший заявку, приравнивается к суси.

У доопов куча проблем — сердитые родственнички, особенно *богатые,* с постановлениями какого-нибудь грязевого высшего суда, смущенные или обеспокоенные дети, безутешные родители или бывшие, юридические и контрактные обязательства. Дав занимается всем этим, и не только. Она обеспечивает верификацию личности, перенос денег и имущества, биометрики, снабжение медикаментами, психологические консультации (для всех, в том числе сердитых родственников), даже религиозное споспешествование. Многие двуногие сильно удивились бы, узнав, сколько среди суси богоискателей или кого-то вроде.

Большинство, в том числе я, относится ко второй категории, однако и приверженцев организованных культов хватает. Надо полагать, радикальная трансформация просто обязана спровоцировать выплеск духовности.

Фрай пока официально не дооп, но я понимаю, что лучше всего обсудить эту тему с Дав, послушать, что та посоветует. Дав хорошо умеет заговаривать двуногим зубы и так же умело заставляет их прислушаться к своей точке зрения. Я думала, дело в психологии, но Дав говорит, тут скорее лингвистические таланты.

Как говорит Шерлак, не спрашивай, я просто мимо пролетаю.

* * *

На следующий день я возвращаюсь вместе с Дав. У контролерши такой вид, словно она в жизни осьмушек не видела. Она отыскивает наши имена в списке, но счастья ей это явно не приносит. Я злюсь. Проверка по списку не должна сопровождаться проявлением эмоций с ее стороны.

— Это *вы* поверенная? — спрашивает контролерша у Дав: та парит на уровне ее глаз, расслабив щупальца.

— Просканируй меня сызнова, детка, если не веришь, — добродушно отвечает Дав. — Я подожду. Мама меня учила: дважды измерь, один раз отрежь.

Контролерша на пару секунд впадает в ступор, потом сканирует нас обеих заново.

— Да, тут ваши имена, но это... э-э... ну, когда она сказала, что прибудет поверенная, я ожидала, что вы... м-м... э-м-м-э-э...

Она запинается так надолго, что ее аж дергать начинает, но Дав, сжалившись, бросает:

— Ох уж эти двуногие.

Дав всегда говорит благодушно, однако щупальца ее теперь колышутся.

— Вы же не отсюда, не так ли? — елейно уточняет она, и я с трудом сдерживаю смех.

— Нет, — мямлит контролерша. — Я дальше Марса никогда не бывала.

— Если по ту сторону шлюза такая же деревенщина, вы бы его лучше предупредили. — Мы проходим, и Дав добавляет: — Поздно!

Там тот же чувак с липучками, но, завидев его, Дав издает безумный вопль радости и кидается ему в лицо, распластывает щупальца по коже.

— Ах ты сученок! — неподдельно счастливая, говорит она.

— Превед, ма, — говорит Липучка.

— О. Кей, — я обращаюсь ко всей Вселенной, готовой меня выслушать. — У меня чуть мозговая водянка не случилась. В чем дело?

— Расслабься, — говорит Дав. — Когда я человека сученком обзываю, мне даже приятно услышать в ответ: «Превед, ма».

— Но я могу ответить и «Превед, па», — уточняет Липучка.

— Ой, вы все тут одинаковые, — говорит Дав. — Тесный это мирок, Арки. Мы с Флорианом однажды вместе заложниками были, в мои двуногие деньки.

— Правда? — Я изумлена. Дав никогда не распространяется про свою двуногую жизнь, и немногие из нас к этому склонны. Я никогда не слышала, чтобы за суси выходили чисто случайно.

— Я ребенком был, — говорит Липучка. — Десять грязелет. Дав меня за руку держала. Хорошо, что у нее тогда еще были руки.

— И страшно капризным ребенком, — уточняет Дав, направляясь к палате Фрай. — Я только потому так поступила, что если б он испугал террористов, нас бы всех убили.

Липучка фыркает.

— Тогда почему ты до сих пор поддерживаешь со мной связь?

— Думала, ты не таким противным малым вырастешь и не спровоцируешь больше никого тебя в заложники захватывать. Так для всех было бы безопасней.

Я не припоминаю, чтобы у суси оставались друзья среди двуногих после трансформации. Я все еще пытаюсь осмыслить случившееся, когда мы минуем второй шлюз.

Фрай видит нас, и ее улыбку на долю секунды опережает испуг. В общем-то даже не испуг, а натуральный ужас. Теперь пугаюсь уже я. Я же ей объяснила, что приведу юристку-суси. Девчонка тут еще ни разу никого не пугалась, включая желюков, а это кое о чем говорит. Пускай и знаешь, что это ИИ, но от желюков мурашки у всех бывают, неважно, у двуногих или суси.

— Слишком червячисто? — Дав сворачивает щупальца, устраиваясь на койке в почтительном отдалении.

— Извините, — у Фрай делается смущенный вид. — Я не хотела показаться грубой или ханжой...

— Забей, — говорит Дав. — Продолговатый мозг обижаться не умеет.

Это что же, Дав сильней моего комплексует за свою червячность? удивляюсь я. *Тогда и логикой ее продолговатый мозг явно обделен.*

— Арки мне говорит, ты хочешь выйти за суси, — бодро

начинает Дав. — Как много ты знаешь об этом?

— Я знаю, что нужно много операций, но у меня должно хватить денег.

— Условия кредитования исключительно благоприятны. Ты можешь спокойно жить на свои деньги и отчислять...

— Я хотела бы покрыть как можно большую часть, пока у меня дефицита ликвидности не возникло.

— Ты боишься, как бы тебе не заморозили счета? — Живость Дав сменяется энергичной резкостью. — Я тебе в этом помогу, никаких обязательств не требуется. Просто скажи, что я твоя поверенная.

— Но деньги в грязи...

— А *ты* здесь. Значение имеет то, где *ты*. Я тебе все данные по условиям кредитов и хирургии перешлю. Если тебе, как и большинству, требуется это дело обдумать, если ты пока не представляешь себе четко...

Фрай машет рукой.

— Арки? Ты не против, если мы с моей новой поверенной пообщаемся наедине?

Я уже готова обидеться, как Дав говорит:

— Конечно, не против. Она же знает, что присутствие третьего лица пересрет всю конфиденциальность. Не так ли, Арки?

Я чувствую облегчение и замешательство. Потом гляжу в лицо Фрай и понимаю, что тут все не так просто.

* * *

На следующий день нас вызывают прополоть и засеять гало. Снова кометная лихорадка. Мы отправляем Фрай глуповатое, но веселое видео, обещаем вскоре с ней пересечься.

Меня бы спросили, так это пустая трата времени, засевать гало сенсорами, если у нас уже глаз в главном кольце полно. Большая их часть не продержится достаточно долго, не передаст ничего интересного сверх уже известного. Прополка — уборка сдохших сенсоров — интересней. Когда сенсоры вырубаются, на них налипает пыль, придает им странные формы и текстуры, окрашивает в еще более странные оттенки. Что-то в этом всем цепляет глаз. Я всегда прошу сохранить их. Обычно мне отказывают. Тут у нас все зиждется на переработке — массопоток на входе, массопоток на выходе; создание, уничтожение, пересоздание и так далее. Но баланс никогда в точности не сходится, так что у меня рядом с койкой хватает диковинок.

Мы почти достигли гало, когда желюк сообщает, что прошлая вахта не прополола свою часть. Хреновенькая переработка. Мы все удивлены: обычно никому не спускают недоделок. Приходится зависнуть в нутре желюка высоко над северным полюсом и просканировать все гребаное гало на маркеры. Это было бы довольно просто, вот только никаких маркеров не видать. Фред заставляет нас повторить сканирование с высоким разрешением еще дважды, но в щели Метиды ничего, и в главное кольцо никаких утечек.

— Наверное, вся эта хрень упала на Большого Юпа, — говорит Бэйт. Он, как загипнотизированный — а наверное, так и есть, — созерцает полярные сияния внизу. Бэйт увлечен полярным шестиугольником.

— Но чтобы так много? — сомневается Сплэт. — Слишком много, чтоб это на случай списать.

— А известно, *почему* прошлая смена не прополола свою часть дохлых сенсоров?

Тетя Хови уже в напряге. Если по ней сейчас постучать, услышишь высокую ноту до диез.

— Нет, — говорит Фред. — Я даже не знаю, кто это был. Просто знаю, что это не мы.

Дюбонне спрашивает у желюка. Желюк сообщает, что послал запрос, но поскольку запрос не приоритетный, придется нам подождать.

— Гребаные червяки, — фыркает Сплэт, почти заузлив щупальца. — Важничают.

— Как ИИ, червяки не испытывают эмоций, — отмечает желюк с такой безмятежностью, что хоть на стенку лезь. — К желюкам это также относится.

— Просканируй Большого Юпа, — влезает Глайнис.

— Слишком сильные помехи, — говорю я. — Бури...

— Ну сделай мне одолжение, — говорит Глайнис. — Или ты спешишь?

Желюк опускает нас в середину главного кольца, и мы дважды сканируем по часовой стрелке. И, блин же блинецкий — или так теперь можно? — в атмосфере что-то есть.

Мы не должны были ничего увидеть. Не только в буревых помехах дело — Большой Юп давит гравитацией весь свой хавчик в кашицу. Задолго до того, как я вышла за суси (а это давненько случилось), посылать зонды в атмосферу Юпитера перестали. Они там просто не задерживаются, в облаках, и ни одному не удалось достичь жидкометаллического водорода — раньше сдыхают. Сенсоры должно было разнести на атомы, маркеры — стереть из реальности. Не может такого быть, чтоб они там еще в облаках

висели. Если, конечно, их там что-нибудь не удерживает.

— Наверное, глюк аппаратуры какой-нибудь, — предполагает Сплэт.

— Угу, — говорит тетя Хови. — Укачало меня, как бы О не прозевать.

Это наш внутренний код: *Переходим на семафоры.*

У двуногих есть языки жестов и олдскульные семафорные сигналы флажками, но семафоры осьмушек — совсем другая пурга. Октосемы меняются в процессе беседы, а это значит, что не только у каждой команды свой язык, но что он уникален для каждого разговора. Его невозможно перекодировать словами, поскольку он зиждется на ситуативном консенсусе. ИИ в состоянии его расшифровать, но даже у лучших криптоаналитических систем на это уходит не менее полудеки. Пять дней на расшифровку одного разговора — не слишком впечатляющий результат.

Если честно, я малость удивлена, что двуногие из совета директоров разрешили нам в ЮОпе тут крутиться. Их никак не назовешь сторонниками приватности, особенно если это касается работы. И не только в суси дело: даже двуногие, грязевики или кто еще, под круглосуточным наблюдением, пока они на вахте. Круглосуточным и неустанным: в кабинетах, коридорах, туалетах и гардеробных. Бэйт говорит, поэтому двуногие юоповцы всегда такие мрачные — считают дни до конца смены.

Но мне кажется, пока мы хорошо справляемся с работой, им до нас нет особого дела, неинтересно двуногим, как мы друг на дружку щупальцами машем и в какие цвета их окрашиваем. К тому же на этой работе не испытываешь сильного стеснения, что за тобой наблюдают — оно только *к лучшему*, если так. Не сильно хочется умирать в пузыре в ожидании подмоги, если подмога не придет, потому что никто не принял сигнал SOS, переданный на последнем издыхании желюка.

В общем, мы обсуждаем проблему исчезнувшего вещества и маркеров, которые обязаны были растаять в грандиозных ураганных Ю-системах, и приходим к трем возможным объяснениям: предыдущая смена вернулась довершить работу, но кто-то забыл это зарегистрировать; ватага мусорщиков прополола кольца траулером и нейтрализовала маркеры, после чего захапала сырье для последующей перепродажи; какая-нибудь звезда в тумане ЮОпа засевает облака в надежде получить еще более четкий вид места падения Океке-Хайтауэр.

Третий вариант самый идиотский: даже если каким-нибудь сенсорам посчастливится пережить удар Океке-Хайтауэр, ураганные помехи не позволят им передать никаких ценных

данных; и мы соглашаемся, что его следует отбросить. Дискуссия продолжается еще некоторое время, мы решаем, что если в ЮОпе спросят, куда делись сенсоры, мы скажем, что не в курсе. Ну, клянусь Юпитером, мы и правда не в курсе.

Мы забираем все, что можно (на это уходит два Ю-дня), засеваем гало новыми сенсорами и улетаем домой. Я залетаю в клинику проверить, как там Фрай, узнать, сумеет ли пробить остальной команде пропуск, чтоб мы к ней завалились и устроили пикник на этой ее роскошной койке. Но меня встречает Дав и говорит, что девчонка в операционной.

Дав добавляет, что по просьбе самой же Фрай не станет никому, включая нас, рассказывать, какую именно модель суси выбрала Фрай. Меня это слегка забавляет, а потом появляется первый дрон.

Дрон мчится на сквозном скейте — если так лететь, можно двойную стенку желюка пробить, и та не схлопнется. В ЮОпе используют их для доставки срочных уведомлений деликатного характера — что бы такое определение ни значило; первым делом, конечно, мы об этом и подумали.

Потом дрон озаряется светом, и мы видим изображение двуногого в репортерском прикиде. Он задает нам один вопрос за другим, череда вопросов закольцована; на панели справа от него сменяют друг друга инструкции по записи ответов, постановке ролика на паузу и передаче.

Желюк спрашивает, не желаем ли мы избавиться от незваного гостя. Мы выбрасываем хреновину на мусорном парашюте вместе со скейтом, и желюк выплевывает ее, точно комок отходов — какому-нибудь падальщику подфартит.

Чуть позже Дюбонне составляет отчет юоповцам о несанкционированном вторжении. В ЮОпе подтверждают получение, но больше никак не реагируют. Мы ожидаем взбучки за то, что не обнаружили скейтера прежде, чем он к нам проскочил. Взбучки не происходит.

— Квасят они там, что ли, — говорит Бэйт. — А ну пни их.

— Не надо, — возражает Сплэт. — Когда протрезвеют, им придется нас прикрывать, иначе их самих на мусорку с работы вышвырнут. А мы сделаем вид, будто ничего не происходило, осьмушка за осьмушку.

— Пока наши записи не попадут под перекрестную проверку, — отвечает Дюбонне и приказывает желюку послать запрос. Желюк поддерживает его в этом решении. Желюк с недавних пор все чаще сопровождает переговоры с нами небольшой порцией замечаний от себя. Мне это по душе.

Сплэту вроде бы нет.

— Да я просто шутил, — осторожно заявляет он. За шутки не накажут, как бы безвкусен ни показался прикол, однако требуется недвусмысленно подчеркнуть, что это именно прикол. Мы смеемся, чтобы поддержать его, и только тетя Хови считает, что шутка не смешная: она не умеет смеяться напоказ. Некоторые не умеют.

Дюбонне получает ответ через несколько минут. Сообщение на крючкотворском мунспике, но суть его сводится к: *Мы поняли вас с первого раза, все прощено и забыто.*

— Да не могли ж они все там наклюкаться, — говорит Фред. — Или?..

— А может?.. — поддерживает Шерлак. — Вы, ребята, достаточно давно со мной работаете, уже приучились бы к моему везению.

— Ты случаем не прихожанка Церкви Подковы и Четырехлепесткового Клевера? — спрашивает Глайнис.

Фред подхватывает:

— А что это такое? Новое казино на Европе?

Фред любитель казино. Не лудоман, просто ему нравятся казино. Желюк предлагает поискать.

— Удачные совпадения реальны, их можно обосновать *математически,* — говорит Шерлак. И чуть светлеет, как и Глайнис. Я бы предпочла, чтоб они не доводили друг дружку до белого каления, пока мы еще в желюке. — А словарное определение везучести гласит, в частности, что удача сопутствует подготовленным умам.

— *Я* вполне подготовлен к возвращению на базу, кто со мной? — вмешивается Дюбонне, прежде чем Глайнис успевает в открытую съязвить. Глайнис мне нравится, при всем ее несносном характере, но порой я втайне жалею, что она осьминожка, а не краб.

* * *

В нашем личном отсеке, по идее, не должно быть никаких систем слежения, кроме стандартных мониторов.

Мы и на наносекунду в это не поверим. Но если ЮОп застукают на горячем, профсоюзы их заживо сожрут и высосут кости, а остаток на Европу в бактериальные фермы сбагрят. Так что — либо техника у них лучше, чем мы в состоянии вообразить, либо они пошли на просчитанный риск. Суси, как правило, утверждают, что склоняются к первому варианту, я же за второй.

В смысле, они и так за нами постоянно наблюдают, зачем им лишний раз пялиться.

Наш отсек стандартной осьмушной планировки — восемь кают окружают большую общую зону. Когда там с нами жила Фрай, мы отграничивали для нее эту часть, но ей каким-то образом все время удавалось просочиться. Не ей, хочу я сказать, а ее вещам — то нижнее белье в санузле трепыхается, то обувь выходит на орбиту вокруг лампы (хорошо еще, что у нее всего две ноги), то живая бумага носится туда-сюда на воздушных течениях. Она провела здесь достаточно времени, но к готовке в невесомости так и не привыкла. Со стороны ее неуклюжесть могла казаться прикольной, но только со стороны, а не в ситуации, когда с нами такая подселенка на постоянке. Как бы мы ее ни любили, а факт неоспорим: неряха она и растрепа.

Мне думалось, без нее станет полегче, но она еще и дня не отсутствовала, а у меня уже появилось ощущение, что чего-то не хватает. Я то и дело оглядываюсь, словно в надежде, что мимо пролетит какая-то деталь одежды или украшений, недавно ускользнувшая из ее слишком ненадежного багажа.

* * *

— И во что Фрай, по-вашему, вляпалась? — спрашивает Сплэт, когда мы уже дома. — Осьмушкой станет?

— Разве это не очевидно? — отвечает Шерлак.

— Ой, не начинайте, — бросает Глайнис так кисло, что у меня аж в зобу сперло. Не иначе, снова собирается краба отыгрывать с этими своими щипками, но нет: улетает вниз, в грот, цепляется там двумя руками за стену и складывает тело так, чтобы совсем из виду исчезнуть. Она скучает по нашей девочке и не хочет сейчас выдавать этого, но и в полном одиночестве ей оставаться неохота. Осьмушки, они такие: порой нам требуется остаться наедине, но не обязательно с собой.

Шерлак занимает место рядом со мной у холодильника и спрашивает:

— А ты как думаешь? Осьмушкой будет?

— Не знаю, — говорю я, и я честно не знаю. Мне даже на ум не приходило подумать, но вряд ли потому, что я это приняла как самоочевидное. Я вытаскиваю из холодильника пакет криля.

Тетя Хови замечает это и смотрит на меня большими серьезными глазами.

— Нельзя же на одном криле жить, Арки.

— А мне нравится, — отвечаю я.

— И мне тоже, — поддерживает Бэйт. Пытается выхватить у меня пакет, подобравшись сзади, но я его морским узлом запутываю.

— Сообщение от Дав, — вмешивается Дюбонне, не дав нам затеять поединка, и указывает на большой экран.

Про Фрай там не слишком много сказано: с ней все в порядке, но еще деку будет в себя приходить. Непонятно, значит ли это, что с Фрай действительно *все* в порядке, и ее выпишут, или Дав только про текущую операцию. Потом послание прокручивается дальше, и мы отвлекаемся.

Там полно грязевых клипов: двуногие делятся мнением о Фрай, о том, каково у нас тут и что может означать ее решение выйти за суси. Некоторым двуногим вроде бы пофиг, а у других, того и гляди, сейчас пена пойдет.

В смысле, я давненько уже превратилась из двуножки в осьминожку, и мы так давно тут живем, что привыкли приспосабливаться к велениям времени. Двуногая, которой я была когда-то, скорее пришла бы в замешательство при виде меня теперешней. Впрочем, после операции, когда меня забросили на первую вахту, осьминоги тоже затруднялись со мной контачить.

Я не выбирала формы — в те времена хирургия еще не настолько продвинулась, а наноректики не распространились повсеместно и еще плохо поддавались программированию, поэтому пришлось взять то обличье, в котором, по мнению врачей, шансы на успешный исход реабилитационного периода были наивысшими. Я поначалу осталась им не особенно довольна, но тут так красиво, что долго унывать нет времени, и потом, мне сразу стало очень классно в физическом плане. Прошло где-то три-четыре Ю-года после трансформации, и я убедилась, что люди иногда жалеют о своем решении осуситься, но мне самой жалеть не довелось. Никогда. Я вполне свыклась с этим.

Вот только у меня стали, в натуре, сдавать нервишки, когда я прислушалась к лепету двуногих о том, чего они даже уразуметь не способны, к пердежному сотрясанию воздуха: *мерзость, жестокость, зверство, нелюди, чудовища*. В одной новостной программе даже прокрутили нарезку из свежайшего римейка гребаного *Острова доктора Моро*, етить-копать. Это что, одно из их евангелий?

Я выдержала от силы несколько минут, потом забралась с крилем к себе в норку, заперлась и включила звукоизоляцию.

Спустя какое-то время в дверь звонит Глайнис.

— Ты в курсе, что в очень далеком прошлом грязевики всерьез воображали, будто Вселенная вокруг их планеты

вертится?

Она делает паузу, но я не отвечаю.

— Потом люди узнали об устройстве мира больше и поняли, что это не так.

— Ну? — ворчу я.

— Но поняли это не все, — продолжает она. Снова выжидает моей реплики. — Арки, да ладно тебе. Ты подумай, разве *им* повезет воочию увидеть Океке-Хайтауэр?

— Хорошо бы они все на комете прокатились, — отвечаю я.

— Нет уж, никто из них сюда, к мерзостным нелюдям, не полезет. Они там в грязи будут куличики лепить из собственного говна. Пока не выполнят единственную задачу, которой от них ждет Вселенная, а именно — вымрут.

Я отпираю.

— Ты такими речами их не по-детски раздразнишь. Ты отдаешь себе в этом отчет?

— Кто кого дразнит? Никто же не слышит. Никто, кроме суси, — отвечает она, ухитряясь вложить в эти слова одновременно полную невинность и крайнюю обиду. Ох уж эта Глайнис.

* * *

Я отправляю Дав сообщение через ВнешКомм, пишу, что мы по крайней мере два Ю-дня проведем глубоко внизу. Население внешней части системы, особенно окрестностей Сатурна, за последние два Ю-года удвоилось и наверняка удвоится снова за куда меньшее время. Гражданские комм-сети проложены ниже плоскости эклиптики, там ни правительственного, ни военного траффика — только малый бизнес, сфера развлечений и общий треп. Ну, может, кто-нибудь и мечтает их подчинить себе, да рук не хватает.

ВнешКомм — предприятие с ледяных гигантов, первоначально обслуживавшее только Сатурн, Уран и Нептун с их спутниками. Насколько я в курсе, никто не знает, где их штаб-квартира, на какой луне. Если начали аж на Уране, то должны были, по идее, расшириться до самого Титана к моменту, когда решили выйти на юпитерианский рынок.

В любом случае, технологии у них сказочные. Да, все еще требуется около сорока минут, чтобы с Большого Юпа на Сатурн долетело *Алло?*, и еще сорок с небольшим, чтобы в ответ донеслось:*Ты кто, блин?* — но помех при этом меньше, чем при звонке по локальной сети ЮОпа. Юоповцы были не слишком рады, что сфера развлечений пересаживается на ВнешКомм, и у

них наметились терки. Но вроде бы достигли компромисса: ВнешКомм забирает себе всю развлекуху, а в образование и науку не лезет, по крайней мере на спутниках Юпитера. Пока все чики-пики, юоповцы им помогают, чем могут, как могли бы помогать грязевики могущественному, но благодушному соседу, однако проблемы остаются. Поводов для срача в теории полно. *Самых разных.*

Юпитер и его спутники — граница между внутренними и внешними планетами. Наши власти заигрывают то с внутренними, то с внешними. Сейчас правительство склоняется к тому, чтобы потребовать официального признания Большого Юпа внешней планетой, а не просто союзным миром. Сатурн против, они подозревают, что Большой Юп замутит переворот и учредит Внешнюю Империю.

Собственно, то же самое говорили на Марсе и Земле, когда предыдущее правительство попросилось во внутренние миры. Земля выразилась несколько цветастей; некоторые двуногие начали блажить, что мерзкие чудовища — сиречь мы — замыслили-де извести всех нечестивцев с неправильным числом отростков на мясо. Если бы Большому Юпу дали внутренний статус, то, по их мнению, людей бы выгнали на улицы и увезли в концлагеря, чтобы силком переделать в нелюдскую форму. За исключением только самых красивых женщин, которых бы оставили в прежнем облике и загнали в бордели. Ну, вы вкуриваете идею.

Одного этого для меня достаточно, чтобы проголосовать за внешников, вот только Большой Юп на самом-то деле ни внешний мир ни внутренний. Мне кажется так: существуют внутренние планеты, внешние и мы. В картину мира двуногих подобная классификация не укладывается, ведь она не бинарная.

* * *

Пока мы работали с коммом, я продолжала обо всем этом размышлять, но уже рассеянно. Я думала и про Фрай, как она там, в какой форме я ее увижу в следующий раз. И узнаю ли?

Если вам этот вопрос кажется глупым, то наверняка потому, что вы бы не узнали, даже сильно напрягшись, человека, которого никогда прежде не видели. Тут вопрос духовной близости. Мне казалось, что если бы я влетела в комнату, полную суси, самых разных суси, и в их числе Фрай, я бы поняла, что она там. И, если бы мне дали немного времени привыкнуть, я бы ее узнала в толпе без подсказок.

Я любила двуногую Фрай, без вопросов. А теперь она станет суси, и я задумалась, получится ли заняться с ней любовью. Трудно было понять, нравится мне эта идея или нет. Обычно все просто: секс только с теми, кто нравится. И все в порядке. Но *любовь* вносит осложнения. Начинаешь думать про брачный союз, семью и все такое. И тут уже не так все гладко, ведь мы неспособны к размножению. К нам поступают новые суси, свежатинка, но детей-суси не существует.

Мы все еще озабочены только выживанием здесь, но так будет не всегда. Я проживу достаточно долго, чтобы увидеть, как положение меняется. Блин, да некоторые из Исходного Поколения еще в эфире, но я с ними не пересекалась. Они все у внешников, на ледяных гигантах.

* * *

Мы возвращаемся за полдеки до первого удара Океке-Хайтауэр, вроде бы достаточный запас времени, но я нервничаю. Расстояния здесь коварны, даже с лучшим оборудованием ЮОпа. В любом случае, я ненавижу жестянки. Может, когда-нибудь придумают желюков, пригодных для перемещений на большие расстояния: я тогда стану лучшей подругой изобретателей. Но даже в жестянке приходится дозаправляться на трех оазисах. Когда летишь по расписанию, с этим проблем нет, но только если не отклоняешься от графика. А выбиться из графика неебически просто. Если дозаправка доступна, все окей. Если нет, придется ждать и надеяться, что воздуха хватит, пока нас не спасут.

Бэйт разработал план полета так, чтобы оставался приличный задел на каждое окно, но вы ж понимаете, как оно: именно в тот момент, когда все должно работать идеально, возбухают проблемы, потому что именно этот момент они себе выбрали, чтобы созреть и лопнуть. В последнюю ночь полета мне приснилось, что мы вот-вот вернемся в ЮОп, но тут Ио взрывается и испепеляет все на полрадиана вокруг. Пока мы пытаемся сообразить, что делать дальше, в нас врезается какая-то хрень и посылает по смертоносной спирали прямо на Большое Красное. Я проснулась, и тете Хови со Сплэтом пришлось меня от стенки отдирать — *так* неудобно перед ними было... После этого сна мне больше ничего не хотелось, только добраться домой, прыгнуть в желюка и посмотреть, какую встречу Большой Юп приготовил Океке-Хайтауэр.

Комета уже фактически разрушилась. В местных сетях только о ней и говорят, без перерывов, словно в остальной Солнечной

системе или Вселенной больше ничего не происходит. Эксперты говорят, она следует тем же маршрутом, что старая Шумейкеров-Леви, и много треплются о том, что это может означать. Некоторые полагают, что это не совпадение, что Океке-Хайтауэр на самом деле послана какими-нибудь разумными существами из облака Оорта или даже из-за его пределов, и что нельзя позволять ей брякнуться на Большого Юпа, а нужно попытаться перехватить хотя бы обломки.

Ну да, в принципе это допустимо. ЮОп объявляет бесполетную зону — только желюки, никаких жестянок. Шерлак предполагает, что юоповцы направят спецмиссию на перехват фрагментов, но это все равно хреновая идея. В смысле, пускай они даже туда жестянку запустят — если она на такое способна, ее так и так будет видно, плюс обломки кометы тут на десятки квадратных дек разлетятся. Есть места куда удобней, чтобы подхватить обломок, но все эксперты сходятся во мнении, что сканы ничего достойного внимания не показали, а значит, и миссию затевать смысла нет. Забавно, что многие старательно это игнорируют, словно скидку себе у продавца выбивают. Но я лучше не буду о политике.

Я оставляю сообщение для Дав, что мы вернулись и готовы посмотреть спектакль. Приходит автоматически сгенерированный ответ: ее нет на работе, ответит, как только сможет. Наверное, с Фрай возится, если у той такая же кометная лихорадка, как и у всех остальных, а еще вероятнее, что даже сильней, ведь в этот драматический момент у Фрай фактически новый день рождения. Если она не в больнице, надеюсь, что смотрит все на большом экране.

Мы все хотим увидеть столкновение невооруженными глазами. Ну, и в телескопы, я имею в виду. Глайнис обеспечит экран каждому, кто пожелает посмотреть в лучшем качестве. Учитывая, что все шоу займет около часа, может, идея и неплохая: глаза расслабим малость.

Когда падает первый обломок, я ловлю себя на мысли о тех сенсорах в атмосфере. Они уже наверняка уничтожены, а если и нет, способа вытащить с них данные никакого. Сплошной шум пойдет.

На половине спектакля вылезает сообщение от правительства, автоматическое, в записи, не требующее ответа: военное положение, всем вернуться по домам, кто ослушается — распылим.

Это значит, что мы пропустим последние столкновения. Чертовски неприятно, хотя смотреть в любом случае было бы особо не на что. Возвращаемся, а там даже повтора падений нет.

Начинаем это обсуждать на повышенных тонах. Чудикам из правительства лучше будет объясниться как можно скорей, иначе на следующих выборах мы им жопы поджарим — и потом, с каких это пор юоповцы у правительства на побегушках? В новостях ничего — то бишь *вообще* ничего, одни повторы более ранних выпусков, словно столкновение уже двухдневной давности, а с тех пор ничего и не происходило.

— Ладно, — говорит Фред, — а что у внешников?

— Мыльных опер не насмотрелся? — злится Дюбонне. — А впрочем, почему нет.

Мы листаем меню, но тут что-то новенькое: специальное прощальное выступление Соледад-и-Готтмундсдоттир. Я уж думаю, мы Фрай увидим неизменившейся, двуногой, но на экране появляется двухкамерный наутилус.

— Всем привет, — говорит Фрай, — как я вам в новом прикиде?

— Ты что, на юриста решила выучиться? — шокирована тетя Хови.

— Простите, что у нас такое скомканное прощание получится, вы были реально классные, — продолжает Фрай, и я сплетаю конечности в тугой узел, чтобы не выключить передачу. У меня настойчивое ощущение, что ничего хорошего мы не услышим. — Еще до прибытия сюда я знала, что выйду за суси. Я просто не решила, какую форму принять. Вы, ребята, заставили меня всерьез задуматься про осьмушку — у вас отличная жизнь, вы тут занимаетесь чертовски важной работой. Будущие поколения — тут будет шикарно. Жизнь, адаптированная к условиям космоса. Кто знает, может, настанет день, и обитатели Юпитера смогут менять тела, как двуногие меняют одежду. Такое возможно. Но, как и многие двуножки, я нетерпелива. Я понимаю, понимаю, я больше не двуножка, я теперь проживу куда дольше, так что гнать нет смысла. Но я такая. Мне хотелось стать частью чего-то более важного, более грандиозного, сделать следующий шаг — следующий *большой шаг* — прямо сейчас. Я уверена, Юпитерианская Колония — то, что мне надо.

— Юпитерианская Колония? Да они ж там все психи! Самоубийцы чокнутые! — Глайнис взлетает до потолка, рикошетирует от стены и снова опускается.

Фрай распутывает щупальца и позволяет им заколыхаться свободно.

— Кто бы там ни жаловался, успокойтесь, пожалуйста, — говорит она вдохновенно. — Я вышла с ними на связь задолго до того, как встретилась с вами. Я знала, что они затевают. Они мне не сказали, когда, но нетрудно было прикинуть, что падение

Океке-Хайтауэр — лучшая возможность. Мы забрали некоторых желюков, заглушили их и привязали друг к дружке. Не знаю, как будет работать этот караван, но мы, во всяком случае, собираемся прокатиться верхом на комете — я не астрофизик. Если сработает, увидим облака. Мы все станем двухкамерными наутилусами для этой поездочки. Идеальная форма для упаковки больших объемов данных. Но мы внесли и еще одно маленькое дополнение: мы все сцеплены, раковина к раковине, у всех доступ к данным друг от друга. Приватностью придется пожертвовать, но мы ведь и так не собирались отшельничать в изгнании. На верхних уровнях атмосферы наверняка еще бултыхаются какие-то сенсоры: у Колонии есть единомышленники, они их туда втихаря накидали. Попробуем построить облачную колонию из доступных материалов.

Она добавляет:

— Мы до сих пор не уверены, что дело выгорит. Может, нас всех размажет гравитацией в кашицу. Но если продержимся достаточно долго, чтобы желюки перешли в режим параглайдеров — не спрашивайте меня, как, это инженеры придумали, — то, наверное, получится не только выжить, но и успешно закрепиться там. К сожалению, я не смогу вас об этом известить. Ну, пока проблему интерференции не решим. Я про нее тоже мало что знаю, но если выживу, то научусь. А, вот Дав говорит, что вы там, глубоко внизу, на маршрутизаторе ВнешКомма. Я посылаю это сообщение так, чтобы оно некоторое время пропутешествовало между ледяными гигантами, а потом, если вы его получите, мы уже будем в атмосфере. Вы только на меня не сердитесь, хорошо? Ну, по крайней мере, не таите обиду потом. Нельзя ведь полностью исключать, что мы когда-нибудь встретимся снова. Если встретимся, то лучше уж как друзья. Особенно если движение за независимость Юпитера успешно... — Она смеется. — Я хотела сказать: *оторвется от земли*. Если движение за независимость Юпитера приведет нас на устойчивую орбиту или что-нибудь в этом роде. Думаю, идея реально крутая. А пока пока.

Ее щупальца идут резкими волнами.

— Ах да... Арки, я и не представляла себе, что червячкой быть так прикольно!

* * *

Мы успели прокрутить ролик еще только один раз, а потом его заглушили. Федералы нас всех потащили на допрос. Ну, что уж тут удивляться. Но федералы не со спутников Юпитера, а

грязевые федералы: выпрыгнули, как чертики из табакерок, некоторые лично, некоторые издалека, по коммуникаторам в функции мобиков. Последнее решение — чухня на постном масле, какой смысл в таком тормозном допросе? Даже марсианские федералы бессильны против скорости света: между вопросом и ответом проходило не менее получаса, а обычно больше.

Грязевые федералы, присутствовавшие на месте, работали под прикрытием, разнюхивали обстановку и докладывали, что удавалось выяснить, в грязевую штаб-квартиру. Нам тут всем пришлось несладко, даже двуногим. Разразился серьезнейший правительственный кризис, поскольку чинуши никак не могли придумать связную легенду. Некоторые вообще отрицали, что знали о шпионах-грязевиках, другие пытались раскрутиться на этой теме и получить политическую выгоду, чтобы-де прав нам не урезали, только не спрашивайте, каких именно, они не говорили. Множились теории заговора, и уследить за их распространением было нереально. Кончилось дело тем, что правительство в полном составе ушло в отставку, а временный кабинет почти весь набрали из суси. Это впервые.

До внеочередных выборов еще полторы деки. Юоповцы обычно на стороне двуногих, но политических преференций им это сейчас не принесет. Думаю, даже этим идиотам ясно, куда кривая выводит.

* * *

Многие суси уже празднуют радикальные перемены в системе управления спутниками Юпитера. Я пока не слишком веселюсь. Я скорей немного встревожена. Мы родились, чтобы выйти за суси, но мы не рождены суси. Мы все начинали жизнь двуножками, и хотя нам удалось отринуть бинарную логику, это не значит, что мы автоматически обрели просветление. Уже судачат, что среди кандидатов преобладают двухкамерные наутилусы, а интересы осьминогов, иглобрюхов или крабов ущемляются. Мне не нравятся эти разговоры, но сваливать в Колонию уже поздно. Не то чтоб я туда хотела. Даже если Фрай и ее друзья выжили и процветают, я пока не готова рвать все свои связи ради нового мира. Поживем — увидим.

Ну блин, я же просила… Короче, я лучше не буду о политике.

notes

Примечания

1

Шерлак = sheerluck — «счастливая случайность» *(англ.)*.